

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 355.48(100)"1914-/1918"

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-49-59

«Манифест девяноста трех» 1914 г. – инструмент пропагандистской войны

Николай Н. Баранов

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, nikolaibaranov@urfu.ru*

Аннотация. Междисциплинарный потенциал интеллектуальной истории позволяет посредством изучения текста в контексте хорошо понять, какие позиции по отношению к войне, правительству, своему народу и военным противникам занимали под влиянием «августовского переживания», характерного для начального периода Великой войны, властители общественного мнения – писатели, ученые, деятели искусства и культуры. Однако обращение к коллективным инициативам – манифестам, открытым письмам, заявлениям, которые поддерживали и подписывали десятки и сотни людей связано с решением сложного комплекса вопросов. Это – проблемы авторства, мотивации, влияния индивидуальных политических и этических принципов на групповые решения, определения лидеров и маргиналов, сопоставление рациональных установок на достижение пропагандистского эффекта и неосознаваемых эмоций и т. д. В статье предпринята попытка дать ответы на эти вопросы на основе изучения обстоятельств появления и значения так называемого манифеста девяноста трех к культурному миру – подписанного видными немецкими интеллектуалами открытого письма с опровержением пропагандистских утверждений Антанты о немецких зверствах и разрушении культурных ценностей в Бельгии. Авторы пытались опровергнуть обвинения и подчеркнуть сугубо оборонительный характер действий немецких солдат. Однако пропагандистский эффект письма оказался обратным ожидаемому. Для общественного мнения стран Антанты оно стало символом идеологического и пропагандистского оправдания германской агрессии и послужило основанием для исключения немецких интеллектуалов из мирового академического сообщества.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, интеллектуальная мобилизация, пропаганда, культура

© Баранов Н.Н., 2024

Для цитирования: Баранов Н.Н. «Манифест девяноста трех» 1914 г. – инструмент пропагандистской войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 49–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-49-59

“Manifesto of the Ninety-Three” 1914 – a tool of propaganda war

Nikolai N. Baranov

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
nikolaibaranov@urfu.ru*

Abstract. Interdisciplinary capacities of intellectual history make it possible, through studying the text in the context, to understand well what positions in relation to the war, the government, their people, and military opponents were occupied by the rulers of public opinion – writers, scientists, artists and cultural figures under the influence of the “August experience” characteristic of the initial period of the Great War. However, turning to collective initiatives – manifestos, open letters, statements that were supported and signed by dozens and hundreds of people is associated with solving a complex set of issues. They are those of authorship, motivation, the influence of individual political and ethical principles on group decisions, the definition of leaders and marginals, the comparison of rational attitudes to achieve a propaganda effect and unconscious emotions, etc. The article attempts to provide answers to the questions based on studying the appearance circumstances and significance of the so-called “Manifesto of the Ninety-Three to the Cultural World” – an open letter signed by prominent German intellectuals refuting the propaganda claims of the Entente about German atrocities and the destruction of cultural values in Belgium. The authors tried to refute the accusations and emphasize the purely defensive nature of the actions of the German soldiers. However, the propaganda effect of the letter turned out to be the opposite of what was expected. For the public opinion of the Entente countries, it became a symbol of the ideological and propagandistic justification of German aggression and served as the basis for the exclusion of German intellectuals from the world academic community.

Keywords: World War I, Germany, intellectual mobilization, propaganda, culture

For citation: Baranov, N.N. (2024), “ ‘Manifesto of the Ninety-Three’ 1914 – a tool of propaganda war”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 49–59, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-49-59

Введение

Драматичные, трагические, если не сказать катастрофические события последних лет, свидетельствующие и о радикальных переменах миропорядка, и об очевидной актуальности постимперского синдрома в отечественной политической культуре, актуализировали проблему публичных политических высказываний деятелей науки, культуры, искусства в поддержку или против определенных решений и действий власти. Индивидуальные и коллективные манифесты, обращения, открытые письма и прочее стали неотъемлемой и заметной частью публичного политического пространства. Эта традиция имеет сравнительно недавнюю историю и берет начало на рубеже XIX–XX вв., но особенно сильно она проявилась в начальный период Первой мировой войны.

В отличие от всех предыдущих войн, Первая мировая, или Великая война, стала не только пропагандистской войной, но и «войной интеллектуалов». Публичные выступления и воззвания ученых, философов, писателей, деятелей искусства придавали первому глобальному конфликту индустриальной эпохи характер «войны за культуру» и ставили своей целью воздействовать на общественность как внутри страны, так и за ее пределами. По аналогии с понятием «тотальной мобилизации» [Юнгер 2000], к Первой мировой войне можно применить понятие «интеллектуальной мобилизации» [Flasch 2000]. По мнению А.В. Михайловского, «война предъявила повышенные требования к “представителям духа”, и то, насколько эффективным оказался их ответ на вызовы времени, несомненно, является одним из важных показателей степени и характера модернизации страны и общества» [Михайловский 2014, с. 129]. При этом вслед за немецкими исследователями хотелось бы подчеркнуть принципиальное отличие понятия «интеллектуал» от привычного «интеллигенция» или принятого в Германии «бильдунгсбюргертум» [Pohl 1997]. Выдающийся немецкий социолог М.Р. Лепсиус утверждал: «Интеллектуалы – это не люди с какими-то личными особенностями, а люди, которые делают нечто определенное» [Lepsius 2009, S. 270]. В традиции М. Вебера Г. Хюбингер определяет миссию интеллектуалов следующим образом: интеллектуалы обязаны выполнять важные общественные функции, а именно, «формулировать мировоззренческие ценности, выступать за рациональную организацию социального порядка и систематизацию индивидуальных жизненных моделей» [Hübinger 1993, S. 202].

Интеллектуалы стали приобретать значительный вес в общественной жизни на рубеже XIX–XX вв. в первую очередь в связи

со «структурным изменением публичности» [Хабермас 2016], вызванным глубокими переменами всех сторон жизни такими, как прогрессирующая демократизация и одновременно политическая мобилизация практически всех социальных слоев, формирование основ массового общества, широкое распространение образования, развитие доступных средств массовой информации.

Появление интеллектуала как влиятельного действующего лица в политическом пространстве национального и европейского масштаба впервые манифестировалось во Франции, когда 13 января 1898 г. Э. Золя опубликовал в газете «Орор» свое знаменитое письмо на имя президента Франции Ф. Форя под заголовком «Я обвиняю!». В нем Золя выступил против незаконного приговора, вынесенного военным судом офицеру А. Дрейфусу по подозрению в шпионаже и против распространенных в обществе антисемитских настроений. Письмо приобрело широкую известность в культурном мире и во многом стало образцом для подражания.

В Германии первые признаки вовлеченности интеллектуалов в политические процессы были амбивалентными. С одной стороны, так называемые флотские профессора – историк Д. Шеффер, экономисты Э. Леви фон Галле и М. Зеринг с 1897 г. в прессе и публичных выступлениях активно поддерживали кораблестроительную программу адмирала А. Тирпица. Галле даже получил должность в бюро информации имперского военно-морского ведомства с задачей «научного обоснования» необходимости создания флота открытого моря.

С другой стороны, в связи с обсуждением в рейхстаге инициированного самим императором Вильгельмом II проекта так называемого «закона Хайнце», который предусматривал ужесточение цензуры театральных постановок и прочих публичных выступлений, многочисленные деятели культуры и науки объединились в марте 1900 г. в общественную организацию «Гётебунд». Они направляли свои усилия на объединение всех интеллектуальных и творческих сил Германии для защиты свободы искусства и науки. И те и другие использовали доступные средства для трансляции своих взглядов, прежде всего через прессу и публичные мероприятия [Ungern-Sternberg 2013, S. 12].

Основная часть

Начало Первой мировой войны сопровождалось «войной умов» невиданного размаха. С самого первого дня обе воюющие стороны боролись за то, чтобы привлечь на свою сторону страны, которые

в начале войны оставались нейтральными. Сначала это была Италия, затем – скандинавские государства, Нидерланды, Швейцария, Испания и Португалия, Греция, но прежде всего США. Обе стороны, конечно, пытались доказать, что сражаются за справедливое дело. Эта идеологическая война между немецкими интеллектуалами и их оппонентами была бы невозможна без сформированного в предшествующие годы образа «другого», а также имевшегося в наличии разнообразного пропагандистского инструментария, вроде популярной у многих европейских и русских критиков идеи «двух Германий» (условно говоря, «Германии Гёте» и «Германии Бисмарка») [Михайловский 2014, с. 131]. Державы Антанты, особенно французы, с самого начала пытались выставить немцев в целом как «варваров» или «гуннов». Тон задал философ Анри Бергсон, который, будучи президентом Академии моральных и политических наук, 8 августа 1914 г. говорил о войне «цивилизации против варварства» и объявил «простой научной обязанностью» подчеркивать, «что жестокость и цинизм Германии, ее презрение ко всякой справедливости и всякой истине означали возвращение к состоянию дикарей» [Ungern-Sternberg 2013, S. 18]. Британцы со своей стороны продемонстрировали высокий уровень организации. 2 сентября 1914 г. Чарльз Мастерман, глава Бюро военной пропаганды, организовал встречу писателей в «Веллингтон-хаусе» с просьбой оказать содействие в идеологической борьбе. Во встрече участвовало два десятка человек, в том числе А. Конан Дойл, Дж. Мэйсфилд, Т. Харди и Г. Уэллс. Р. Киплинг прислал свои извинения, но пообещал оказать всестороннюю помощь. 18 сентября в «Таймс» 53 английских писателя опубликовали манифест «Судьба и долг Британии. Заявление авторов. Праведная война». Тем самым была развязана антигерманская пропагандистская кампания. Она была спровоцирована бомбардировкой Реймского собора и разрушением ряда других памятников европейского искусства, но более всего – бессудным убийством 248 человек и гибелью библиотеки католического Лувенского университета 25 августа 1914 г. на территории оккупированной Бельгии. По мнению А.В. Михайловского, «она давала повод для обличения немцев в варварстве, которое всегда скрывалось под тонким наносным слоем образованности и культурности и теперь вырвалось наружу, продемонстрировав всему цивилизованному миру волю к разрушению современного Аттилы» [Михайловский 2014, с. 131].

Немцы в этом отношении вынуждены были держать оборону и одновременно искали возможность убедительной реакции. Опыт «августовского переживания» сплотил общество, хотя и не настолько сильно, как пыталась убедить официальная пропаганда. Тем не

менее «идеи 1914 года» доминировали в общественном сознании [Verhey 2000]. Человек оказывался изолированным в мире врагов, он защищал немецкую культуру от восточного варварства, от унижений западной цивилизации и от духа английского лавочника. Кроме того, война выступала спасением от культурного опустошения, от массового социального материализма, от паралича идеалистических порывов. Основным настроением в среде ведущих интеллектуалов и представителей художественного авангарда было освобождение от внутреннего застоя и возмущение невыносимыми враждебными обвинениями. С подачи известной консервативной газеты «Кройццайтунг» приобрел популярность термин «бургфриден» – гражданский мир, обозначающий прекращение внутренних распрей и национальное сплочение¹.

Ответом немецких ученых и писателей стал «манифест девятности трех», обращенный «К культурному миру». Он был опубликован 4 октября 1914 г. как обращение, подписанное 93 немецкими писателями, учеными и художниками с опровержением обвинений Антанты, направленных против немецкого «милитаризма» и зверств, совершаемых немецкой армией, особенно в оккупированной нейтральной Бельгии.

Судьба этого документа примечательна. С самого начала он воспринимался как инструмент и яркий пример пропагандистской войны. В 1916 г. текст был опубликован в переводе на русский язык под названием «Манифест 93 ученых. Призыв к цивилизованному миру» в сборнике «Две культуры: (к философии нынешней войны)»². Он неоднократно упоминается в трудах, посвященных «духу 1914 г.» и «августовскому переживанию» [Verhey 2000], «мобилизации духа» [Flasch 2000]. Однако предметное изучение обстоятельств появления, содержания, влияния, восприятия и значения манифеста предпринял в свое время только один человек – профессор древней истории в университете Базеля Ю. фон Унгерн-Штернберг [Ungern-Sternberg 2013]. Из современных отечественных исследователей к этому источнику обращался лишь А.В. Михайловский в статье, посвященной сравнительному анализу вовлеченности немецких и российских интеллектуалов в пропагандистские кампании периода Великой войны [Михайловский 2014].

Побудительным мотивом к созданию манифеста стала статья «Эффект английской лжи» в газете «Берлинер Тагеблатт» от 9 сен-

¹ См.: Neue Preußische Zeitung. 1914. No. 367.

² См.: Бычковский Б.С. Две культуры: (к философии нынешней войны). Пг.: 1916. С. 122–130.

тября 1914 г., где говорилось о том, как британская антигерманская пропаганда успешно распространяется в нейтральной Дании. Ответная инициатива формировалась по двум формально независимым друг от друга направлениям. С одной стороны, предприниматель Э. Бухвальд из патриотических побуждений в порядке частной инициативы предложил дать ответ активному участнику «Гетебунда» писателю Г. Зудерману. С другой стороны, сторонником активной контрпропаганды был начальник разведывательного управления имперского военно-морского ведомства капитан Г. Лелайн, который имел тесные контакты с журналистом Л. Фульдой, археологом и представителем министерства иностранных дел Т. Вигандом и вторым бургомистром Берлина Г. Райке. Причем все трое состояли в «Гетебунде». При участии Зудермана Фульда написал текст, который Райке риторически заострил в соответствии с традицией 95 тезисов Лютера. Шесть абзацев манифеста начинались с эмоционально окрашенной фразы «это неправда» и были направлены «против лжи и клеветы, с помощью которых наши враги Германии упорно стремятся запятнать чистое дело серьезной борьбы за существование» [Ungern-Sternberg 2013, S. 194]. 9 сентября 1914 г. началась кампания по сбору подписей под манифестом. Инициаторы первоначально рассчитывали на поддержку 40–50 человек. Намеренно исключались из числа подписантов, с одной стороны, политики, промышленники и высокопоставленные чиновники, а с другой – последовательные пацифисты, такие как А. Эйнштейн, Ф.В. Ферстер и Г. Гессе. Связь с потенциальными подписантами осуществлялась в основном по телеграфу.

Подписи под манифестом поставили нобелевские лауреаты – физик В. Рентген, философ Р. Ойкен, химик Р. Вильштеттер, будущий нобелевский лауреат М. Планк, историки А. фон Гарнак и Э. Майер, юрист-международник Ф. фон Лист, экономист Л. Брентано, зоолог Э. Геккель, художники М. Либерман и М. Клиггер, философ В. Виндельбанд, антиковед У. фон Виламовиц-Меллендорф, композитор Э. Хампердинк. Единственным профессиональным политиком, подписавшим манифест, оказался депутат рейхстага бывший пастор Ф. Науман.

Известно наверняка, что только один человек – математик Д. Гильберт сразу отказался подписать манифест. Большинство согласилось поддержать манифест по телеграфу, не видя полного содержания текста. Оглядываясь назад, некоторые были неприятно удивлены. Здесь сыграла свою роль практика протестной работы «Гетебунда». Его члены привыкли мобилизоваться на коллективные действия именно таким образом. Привычная форма протестов против цензурных ограничений сыграла в данном случае фатальную

роль. Однако ясно то, что это была декларация не крайних националистов и не «пангерманистов», а либералов. Данное обстоятельство не снижает ответственности подписавшихся, однако обозначает их стремление подчеркнуть патриотический и верный государству дух. Кроме того, очевидно существенное несоответствие между истинной или мнимой наивностью интеллектуалов и хладнокровно спланированной пропагандистской кампанией.

В Германии призыв первоначально нашел отклик и поддержку со стороны значительной части общественности, хотя вскоре появились некоторые критические голоса. Однако попытка врача-пацифиста Г.Ф. Николаи инициировать «Обращение к европейцам» провалилась из-за практически полного отсутствия поддержки. Его текст подписали, включая его самого, всего четыре человека, в том числе А. Эйнштейн и астроном В. Ферстер, который поначалу поддержал «Манифест девяноста трех» [Ungern-Sternberg 2013³, S. 205]. «Профессорское воззвание» было переведено на 10 языков и распространено в 14 странах. Оно подчеркивало роль Германии как носительницы культуры, отводило обвинения в «зверствах» немецких солдат, настаивало на оборонительном характере войны. «Без нашего милитаризма, – провозглашалось в воззвании, – немецкая культура была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее недр... Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски соединяет ныне 70 млн немцев без различия уровня образования, сословий и партий».

Манифест стал отправной точкой хорошо организованной пропагандистской кампании. Вскоре последовали новые публичные заявления подобного характера. Сначала текст за подписями ректоров 20 классических университетов, затем – 16 октября 1914 г. заявление преподавателей 53 высших учебных заведений, под которым было собрано свыше 3 тыс. подписей [Leonard 2018, S. 243].

Заключение

Подведем некоторые итоги. Работа с источником мало что может сказать о мотивации подписантов. Были ли это искренний патриотизм, выражение верности монарху и государству, корпоративная солидарность, вера в безусловное превосходство немецкой духовной культуры над механической цивилизацией Запада. Несомненно одно. Вне зависимости от намерений интеллектуалов ма-

³ Бычковский Б.С. Указ. соч. С. 125.

нифест стал оружием пропагандистской войны. Однако его эффективность оказалась не просто недостаточной, а даже имела эффект прямо противоположный тому, что ожидалось. Обращение было истолковано общественностью стран Антанты как предательство со стороны немецких интеллектуалов универсальных академических и моральных норм, как символ немецкого варварства, против которого подписанты хотели протестовать. После окончания войны немецкая наука институционально и индивидуально подвергалась стигматизации со стороны победителей именно на основании «Манифеста девяности трех». Это обстоятельство наряду с пресловутой ст. 231 Версальского договора, возлагавшей на Германию единоличную ответственность за развязывание войны, обусловило стремление к реваншу. Борьба против того и другого помешала людям в Германии должным образом осознать свою роль в развязывании войны и распаде международного научного сообщества.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»).

Aknowlegements

The work was carried out within the grant of the Russian Science Foundation (Project № 22-28-00201 “The gender factor of political mobilization under the conditions of the First World War. Russia, France, Germany”).

Литература

- Михайловский 2014 – Михайловский А.В. Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт // Вопросы национализма. 2014. № 3 (19). С. 129–151.
- Хабермас 2016 – *Хабермас Ю.* Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
- Юнгер 2000 – Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. 537 с.
- Flasch 2000 – *Flasch K.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch. Berlin: Alexander Fest Verlag, 2000. 447 S.

- Hübinger 1993 – *Hübinger G.* Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand // Intellektuelle im deutschen Kaiserreich / Hg. von G. Hübinger, W. Mommsen. Frankfurt a/M.: Geschichte Fischer, 1993. 246 S.
- Leonard 2018 – *Leonard J.* Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs. München: C.H. Beck Verlag, 2018. 1168 S.
- Lepsius 2009 – *Lepsius M.R.* Interessen, Ideen und Institutionen. Wiesbaden: VS Verlag, 2009. 304 S.
- Pohl 1997 – *Pohl K.H.* Liberalismus und Bürgertum 1880–1918 // Historische Zeitschrift. 1997. Bd. 17. S. 231–292.
- Ungern-Sternberg 2013 – *Ungern-Sternberg J., Ungern-Sternberg W.* Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg., Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2013. 381 S.
- Verhey 2000 – *Verhey J.* The spirit of 1914. Militarism, myth, and mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.

References

- Flasch, K. (2000), *Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch*, Alexander Fest Verlag, Berlin, Germany.
- Hübinger, G. (1993), “*Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand*”, in Hübinger, G. and Mommsen, W., eds., *Intellektuelle im deutschen Kaiserreich*, Geschichte Fischer, Frankfurt am Main, Germany.
- Khabermas, Yu. (2016), *Strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Structural transformation of the public sphere. Studies regarding the category of bourgeois society], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Leonard, J. (2018), *Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs*, C.H. Beck Verlag, München, Germany.
- Lepsius, M.R. (2009), *Interessen, Ideen und Institutionen*, VS Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Mikhailovskii, A.V. (2014), *Uspekhi i neudachi “intellektual'noi mobilizatsii”: germanskii i rossiiskii opyt* [Successes and failures of “intellectual mobilization”. German and Russian experience], *Voprosy natsionalizma*, vol. 19, no. 3, pp. 129–151.
- Pohl, K.H. (1997), “*Liberalismus und Bürgertum 1880–1918*”, *Historische Zeitschrift*, Bd. 17, S. 231–292.
- Ungern-Sternberg, J. and Ungern-Sternberg, W. (2013), *Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg*, Peter Lang, Frankfurt am Main, Germany.
- Verhey, J. (2000), *The spirit of 1914. Militarism, myth, and mobilization in Germany*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Yunger, E. (2000), *Rabochie. Gospodstvo i geshtalt'; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Dominance and Gestalt. Total mobilization. About pain], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Николай Н. Баранов, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; nikolaibaranov@urfu.ru
ORCID ID: 0000-0001-9998-0843

Information about the author

Nikolai N. Baranov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; nikolaibaranov@urfu.ru
ORCID ID: 0000-0001-9998-0843